

Я остался. Разлили по полстакана, закусили...
 — Какой институт? — обратился ко мне Молодой.

— Санитарно-гигиенический.

— Я тоже его заканчивал. Только учиться было некогда, работал грузчиком в двух местах, а на лекциях спал. Питался, помню, одними пельменями, чередовал вареные и жареные. А что было делать, я из деревни, отец на фронте погиб, матери нужно было помогать, да и самому хотелось одеться, девчонку в кафе пригласить. Помню, не мог зачет сдать, уже отчислять собирались, профессор уперся и не дает третий раз пересдать, еле уговорил. На прощание он мне двадцать минут нравоучения читал, а закончил так: «Не получится из вас доктора, не завидую больным, которых вы будете пользоваться».

Молодой разлил еще по четверти стакана, выпили, помолчали.

— А проходит лет десять, вызывают меня на проспект Мечникова. Вижу старуху, явно с инфарктом, в шоке, давление шестьдесят, нос холодный, вся в поту, орет от болей за грудиной. Ты, студент, запомни, если нос холодный, то дело плохо. Муж кричит: «Спасите, помогите, сделайте что-нибудь!» А сделать-то мало что можно. Смотрю, а старикашка знакомый, тот самый профессор, который меня выгнать хотел. Бабка орет, мечется, вот-вот лапты склеит. Вены спались, но я всегда найду, на руках нет, на ногах найду, на ногах нет, за ухом найду. Вколол ей быстро морфин, смотрю, успокоилась, порозовела, давление сто, рефлекторный, видать, шок был. Никого в помощь вызывать не стал, схватил бабку на руки, благо маленькая была, — и в Мечниковскую. Сдал в приемник. Смотрю, профессор бежит, схватил мою руку и ну целовать, еле вырвался и быстрее на станцию, чтобы искушения не было напомнить ему...

Старый, прожевав, задумчиво произнес:

— А действительно, как из тебя хороший врач получился? Нас-то в Морской военно-медицинской академии совсем не так учили, зачет не сдал, и все, свободен. Учились с утра до вечера.

А кто учил?! Хирургию — Джанелидзе, Мельников. Терапию — Нечаев, Лепорский. У Нечаева кличка была Морфинный кот, засыпал всегда на разборах. Помню, солдатика привезли в клинику Джанелидзе, температура сорок, давление низкое, сильные боли в боку, на рентгене ничего не нашли. Три дня лечат, солдатика только хуже. Джанелидзе приказывает: пригласите Александра Александровича. Приходит Нечаев, осматривает, выслушивает, перкутирует, а сам дремлет, того и гляди, со стула упадет. Закончил, подремал пару минут, попросил химический карандаш, наметил точку под лопаткой и говорит: «Сюда толстой иглой уколите — и получите гной». Так и получилось, у солдатика эмпиема плевры оказалась. Да, такие у нас учителя были... Это сейчас я тут на «неотлоге» время провожу, а в отставку вышел полковником, начальником отделения госпиталя на Фонтанке. Всё, студент, давай домой, а мы, пока вызовов нет, поспим.

Доктора были абсолютно трезвые, я же, покачиваясь от выпитой водки и под впечатлением от услышанного, отправился разыскивать трамвайную остановку.

Новый, 1977 год

132 — это номер машины интенсивной терапии подстанции № 2, располагавшейся в то время во флигеле Владимирской церкви на Колокольной улице. Машин интенсивной терапии в городе было три, наша первая, и работать на ней было почетно.

Я всегда любил дежурить в Новый год. Именно 31 декабря. В этот день ждешь чудес, а они случаются редко, и это вызывает разочарование, а разочарование — тоску... Правильно дежурить в новогоднюю ночь. Нет надежд, нет и разочарований. Самое тяжелое дежурство — 1 января. Масса вызовов, плохое настроение и у больных и у медиков, по понятным причинам. 31 декабря 1977 года подобралась хорошая бригада, и мы замечательно проработали весь день, тем более